

Дробовцева М.В., Котова М.В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста

ДРОБОВЦЕВА М.В., КОТОВА М.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН: ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

English version: [Drobovtseva M.V., Kotova M.V. The interrelation between national and ethnic identity among Russian citizens: sociocultural factors as moderators](#)

Высшая школа экономики, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Цель исследования заключалась в определении и эмпирической проверке факторов, которые могут вносить вклад (усиливать или ослаблять) во взаимосвязь между гражданской и этнической идентичностью. Предположив, что взаимосвязь двух видов идентичности отражает особенности межгрупповых отношений, авторы в качестве факторов-модераторов выделили факторы социокультурного контекста, предложенные Дж.Берри, а именно: культурный, исторический, политический и экономический. Эмпирическая проверка действия факторов показала, что экономический оптимизм (составляющая экономического фактора) и воспринимаемая гражданская дискриминация (составляющая исторического фактора) усиливают взаимосвязь между гражданской и этнической идентичностью, тогда как другие факторы приводят к менее однозначным результатам.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, факторы-модераторы взаимосвязи гражданской и этнической идентичности, Россия

Можно утверждать, что в последнее время усиливается внимание исследователей к взаимосвязи этнической и гражданской [1] идентичности, а также к их взаимному влиянию на отношение к аут-группам, субъективное благополучие членов группы меньшинства и большинства, воспринимаемую дискриминацию [Gong, 2007; Fuller-Rowell et al., 2013; Masella, 2013]. Обобщение исследований, в основном в области изучения социальной и культурной адаптации мигрантов и меньшинств, указывает на ряд сложностей, которые возникли по мере накопления фактов о взаимосвязи гражданской и этнической идентичности, как меньшинства, так и большинства. Исследователи приводят неоднократно подтвержденный факт, что для доминирующей группы гражданская и этническая идентичность связаны положительно и одна усиливает другую, а вот для представителей этнических меньшинств связь обратная: обычно выраженная этническая идентичность ослабляет гражданскую [Лебедева, 2011; Стефаненко, 2014]. Однако для группы меньшинства данная пропорция не всегда верна. Например, было обнаружено, что этническая идентичность меньшинства может быть существенно слабее выражена в угоду гражданской [Masella, 2013], связана положительно с гражданской идентичностью или не связана вовсе [Berry et al., 2006; Gong, 2007].

Взаимосвязь этнической и гражданской идентичности в группе большинства также представляет пространство для вопросов и догадок. С одной стороны, известно, что этническая идентичность большинства обычно менее актуализирована, чем у меньшинства, и может длительное время

оставаться в статусе диффузной [Стефаненко, 2014; Phinney, 1990], а гражданская идентичность выражена сильнее [Дробижева, 2008]. С другой стороны, группа большинства крайне неохотно принимает попытки формирования гражданской идентичности, когда в понятие «нации» включаются все граждане государства, а не только большинство. Направленная работа по усилению надгрупповой идентичности может приводить к обратному эффекту этнического национализма [Davis, 1999], или своеобразной защиты надгрупповой общности от своих же сограждан [Bianchi et al., 2010], то есть этническая идентичность становится ведущей в этой паре или происходит подмена одной идентичности другой.

Соответственно, взаимосвязь между этнической и гражданской идентичностью может существенно различаться от группы к группе, быть как положительной, так и отрицательной или отсутствовать вовсе. Среди возможных причин различия наибольшее внимание получил статус группы (большинство-меньшинство) и его следствия для процессов взаимной адаптации принимающего большинства и меньшинства [Berry et al., 2006]. Однако группа меньшинства может показывать сходные тенденции с группой большинства и отличаться от другой группы такого же статуса. В таком случае логично предположить, что существуют факторы, которые могут выступать модераторами взаимосвязи двух видов идентичности, то есть усиливать ее или ослаблять в зависимости от собственного значения. Согласно этому предположению, целью нашей работы стал поиск, описание и эмпирическая проверка действия возможных факторов-модераторов взаимосвязи гражданской и этнической идентичности.

Факторы, определяющие взаимосвязь гражданской и этнической идентичности

Гражданская и этническая идентичность: общее, специфичное и разнообразие взаимосвязей

И гражданская, и этническая идентичность являются видами социальной идентичности, то есть той части Я-концепции человека, которая связана с осознанием человеком своей принадлежности к той или иной группе и отношением к этому факту [Дробижева, 2008; Стефаненко, 2014; Tajfel, 1982]. Отмечая сходства в этнической и гражданской идентичности, можно выделить наличие единых причин их интенсификации. Во-первых, каждый из этих видов идентичности касается принадлежности человека к большим социальным группам, стабильным межпоколенным общностям, обеспечивающим безопасность своих членов и включенных в трансляцию ценностей и смыслов [Стефаненко, 2014; Phinney, 1990]. Во-вторых, изменения в выраженности этих видов идентичности обычно происходят под воздействием различных социальных процессов, серьезных социальных потрясений, когда начинается переоценка значимости той или иной группы либо что-то угрожает целостности группы [Дробижева, 2008; Стефаненко, 2014]. В результате таких процессов обычно усиливается сплоченность в рамках группы и выраженность идентичности.

Отличия гражданской и этнической идентичности касаются, в первую очередь, восприятия группоснований этих видов идентичности. Если принадлежность к этнической группе зачастую рассматривается человеком как данная с рождения, которую фактически нельзя сменить [Здравомыслов, 1995; Стефаненко, 2014], то страну проживания сменить легче. Можно также утверждать, что процесс формирования гражданской идентичности теснее связан с политическими реалиями, в которых находится человек [Phinney, Baldelomar, 2011]. Однако это утверждение ограничено, поскольку этническая идентичность также легко «политизируется» и меняется вслед за политическими событиями [Bianchi et al., 2010; Davis, 1999].

Взаимосвязь между гражданской и этнической идентичностью, как указывалось выше, может варьироваться от положительной до отрицательной, включая отсутствие значимой взаимосвязи. Например, в исследовании Ли Гонга этническая идентичность афроамериканцев оказалась не связана с их гражданской идентичностью, в то время как у американцев азиатского происхождения они были

связаны позитивно [Gong, 2007]. При этом автору не удалось прийти к заключению о причинах различий во взаимосвязях. Помимо этого, исследования Паоло Маселлы показали, что этническая идентичность представителей групп меньшинства может быть менее выражена в угоду гражданской идентичности [Masella, 2013]. П. Маселла предположил, что таким образом представители выборки справлялись со стыдом, связанным с отказом от своей этнической принадлежности. Хотя можно предложить и более инструментальное объяснение: этническая идентичность уменьшается с приспособительными целями адаптации в большом сообществе, формируется ассимиляционистский профиль [Berry et al., 2006].

Джон Берри и его коллеги в масштабном исследовании представителей 26 культурных групп мигрантов 13 стран обнаружили различные профили взаимосвязи этнической и гражданской идентичности и других переменных [Berry et al., 2006]. Гражданская и этническая идентичность могли быть связаны как обратно-пропорционально, причем ведущей в этой паре по выраженности могла быть как этническая (сепарационный профиль), так и гражданская (ассимиляционистский профиль) идентичность, так и прямо-пропорционально, причем как обе идентичности могли быть выраженными (интеграционный профиль), так обе могли быть не выражены (маргинальный профиль). Соответственно, многообразие получаемых данных высоко, фактически каждая группа может стать уникальным примером.

Факторы социокультурного контекста как модераторы взаимосвязи гражданской и этнической идентичности

Как нам представляется, для понимания получаемого многообразия взаимосвязей двух видов идентичности имеет смысл вернуться к мысли о том, что гражданская и этническая идентичность неотъемлемы от межгрупповых отношений, в которых они формируются и изменяются [Дробижева, 2008; Стефаненко, 2014], равно как и социальная идентичность человека [Tajfel, 1982]. В этом случае даже при изучении идентичности представителей одной группы важно понимать восприятие и переживание респондентами того контекста межгрупповых отношений, в котором «живет» их группа или группы принадлежности.

Анализ литературы показывает, что одной из перспективных идей может выступить предложение Дж. Берри выделять культурные, политические, экономические и исторические факторы как определяющие характер межгрупповых отношений [Berry, 2005], которые обобщенно мы обозначили как факторы социокультурного контекста. Дж. Берри описывал их роль для аккультурационных процессов и их последствий, однако, с нашей точки зрения, каждый из этих факторов может быть применен и к объяснению взаимосвязи гражданской и этнической идентичности. Тем более что процесс взаимодействия двух идентичностей может быть похож на процесс аккультурации и выглядеть, по базовому предположению модели Дж. Берри, как принятие двух решений: в какой мере сохранять свою культуру в новом обществе (то есть поддерживать этническую идентичность) и в какой мере принимать культуру большого сообщества (то есть развивать гражданскую идентичность) [Berry, 1997]. Вопрос о том, что же определяет принятие каждого из решений, до сих пор остается открытым [Sam, Berry, 2010].

Первый из выделяемых Дж. Берри факторов, фактор культуры, пожалуй, самый сложный для описания и осмысления. Наиболее часто обсуждаемым измерением и присутствующим почти в каждой концепции является мера индивидуалистичности-коллективистичности культуры, то есть мера ориентации человека в первую очередь на свои цели и потребности или же на таковые для группы [Лебедева, 2011; Hofstede, 1983; Phinney, Baldelomar, 2011]. По мнению исследователей, уровень индивидуализма-коллективизма в определенной группе (культуре) может являться определяющим для формирования дальнейших межгрупповых отношений [Phinney, Baldelomar, 2011] и, соответственно, соотношения гражданской и этнической идентичности. Таким образом, мы полагаем, что уровень индивидуализма представителей группы будет выступать фактором-модератором взаимосвязи их гражданской и этнической идентичности (H1).

Исторический фактор отражает историю взаимодействия групп в том или ином сообществе. Так, например, в истории России были разные периоды, когда политическим курсом подавлялись одни

этноты и возвышались другие [Соблиров, 2009]. В данный момент времени это может являться своего рода фоном, критерием которого можно выбрать воспринимаемую дискриминацию, переживаемую человеком из-за событий прошлого, но важно то, что переживание имеет место быть в настоящем времени. Известно, что те, кто принадлежит к группам меньшинства, имеют более выраженную этническую идентичность в условиях ощутимой воспринимаемой дискриминации от группы большинства [Lee et al., 2007]. Но это характерно далеко не для всех групп, и в ряде лонгитюдных исследований показано, что корреляции между воспринимаемой дискриминацией и этнической идентичностью нет, либо она отрицательная [Umaña-Taylor, Guimond, 2010], либо зависит от специфических условий [Skrobaneck, 2009]. Можно предположить, что одной из причин такой разнородности данных стал тот факт, что фактор «истории» рассматривался не в контексте взаимосвязи гражданской и этнической идентичности, но как связанный только с одним из видов идентичности. Мы предполагаем, что феномен воспринимаемой дискриминации может оказаться встроенным в модель взаимоотношений гражданской и этнической идентичности, точнее, будет являться фактором-модератором этой взаимосвязи (H2).

Политическая ситуация в стране существенно связана с изменением выраженности гражданской и этнической идентичностей [Дробижева, 2008; Стефаненко, 2014]. Например, было показано, что этническая принадлежность ведет к различиям в политическом поведении и предпочтениях [Cole, Stewart, 1996], а высокий уровень совместимости гражданской и этнической идентичности косвенно связан с низкой политической мобилизацией [Martinovic, Verkuyten, 2014]. Соответственно, политический фактор можно выделить как один из определяющих характер взаимосвязи между двумя этими идентичностями, так же как и между двумя социальными группами и их взаимоотношениями. Применительно к событиям, относительно недавно происходившим в России, в качестве конкретного политического фактора (H3) мы выбрали присоединение Крыма к России и последовавшие за этим экономические санкции, что вызывало неоднозначную реакцию жителей России.

Экономический фактор можно понимать различным образом, но для социально-психологических исследований это в первую очередь субъективное экономическое благополучие [Хашченко, 2011]. Обнаружено, что экономическое положение человека в общем и целом оказывает позитивное влияние на уровень его психологического благополучия и, далее, на межгрупповые отношения: чем выше уровень, тем более удовлетворенным жизнью чувствует себя человек [Gerdtham, Johannesson, 2001; Peiró, 2006]; чем более удовлетворенным жизнью чувствует себя человек, тем лучше у него происходят межгрупповые контакты [Segrin, 2005]. Соответственно, можно предположить, что экономическое благополучие будет фактором гармоничности взаимосвязи этнической и гражданской идентичности или, как минимум, оказывать влияние на эту взаимосвязь (H4).

Действие каждого из описанных факторов на взаимосвязь этнической и гражданской идентичности было проверено в эмпирическом исследовании.

Факторы-модераторы взаимосвязи гражданской и этнической идентичности россиян: эмпирическое исследование

Выборка

В исследовании приняло участие 145 человек (76% – женщины, 24% – мужчины). Возраст респондентов – от 17 до 26 лет ($M = 20,62$, $SD = 2,2$, $Mode = 20$). В качестве респондентов выступала молодежь, так как именно у данной возрастной группы гражданская идентичность вероятнее представлена как принадлежность к группе жителей России, а не Советского Союза, что дает более точный результат для понимания гражданской идентичности респондентов.

Методики

Этническая идентичность измерялась с помощью адаптированной на русский язык обновленной

методики Дж.Финни MEIM-R [Phinney, Ong, 2007]. Методика содержит две шкалы: осознание своей принадлежности к этнической группе (познание идентичности, *identity exploration*), 3 утверждения; и отношение к своей принадлежности к этнической группе (этническая приверженность, *identity commitment*), 3 утверждения. Показатели согласованности шкал, Cronbach's Alpha – 0,76 и 0,83 соответственно.

Гражданская идентичность измерялась с помощью методики из International Social Survey Programme, в адаптации на русский язык Л.К.Григорян [Григорян, 2013]. Методика включает три шкалы: патриотизм как гордость достижениями нации (4 утверждения, $\alpha = 0,72$); патриотизм как гордость социально-политической системой страны (5 утверждений, $\alpha = 0,79$); национализм как склонность возвышать свою страну в сравнении с другими странами (5 утверждений, $\alpha = 0,81$).

Факторы социокультурного контекста на основании теоретических рассуждений, приведенных выше, измерялись следующим образом: 1) *культурный фактор* представлял собой выраженность индивидуализма, измерялся при помощи модифицированной методики Г.Хофстеда, взятой с официального сайта исследователя ($\alpha = 0,65$); 2) *исторический фактор* – воспринимаемая гражданская и этническая дискриминация – с помощью методики Н.М.Лебедевой (по одному утверждению относительно каждого из видов дискриминации) [Лебедева, 1997]; 3) *политический фактор* – с помощью вопросов из опросов ВЦИОМ («Как Вы считаете, вхождение Крыма в состав Российской Федерации принесло России больше пользы или больше вреда?» и «Как, по Вашему мнению, санкции западных стран отразились на России?»); 4) *экономический фактор* – экономический оптимизм и финансовая депривация ($\alpha = 0,70$ и $0,50$ соответственно) – с помощью вопросов соответствующих шкал из методики субъективного экономического благополучия [Хаченко, 2011].

Методы анализа и обработки данных

При сборе данных использовался метод опроса. Обработка данных осуществлялась в приложении IBM SPSS Statistics 21.0, включая AMOS Graphics для конфирматорного факторного анализа и моделирования структурными уравнениями.

Результаты

На первом шаге основной обработки данных мы построили общую модель взаимосвязи (см. рис. 1) между двумя идентичностями (гражданской идентичностью и этнической идентичностью) как латентными переменными, каждая из которых состоит из нескольких измеряемых переменных-шкал (две и три соответственно). Для построения модели взаимосвязи и последующих расчетов было использовано приложение IBM SPSS AMOS Graphics v.21.0. Полученная модель показала хорошие индексы пригодности ($1 < \text{CMIN/DF} < 3$; $\text{RMSEA} < 0,05$; $\text{CFI} > 0,90$) [Arbuckle, 2010], что позволяет взять ее за точку отсчета и проверить наши гипотезы (H1-H4) о модерации.

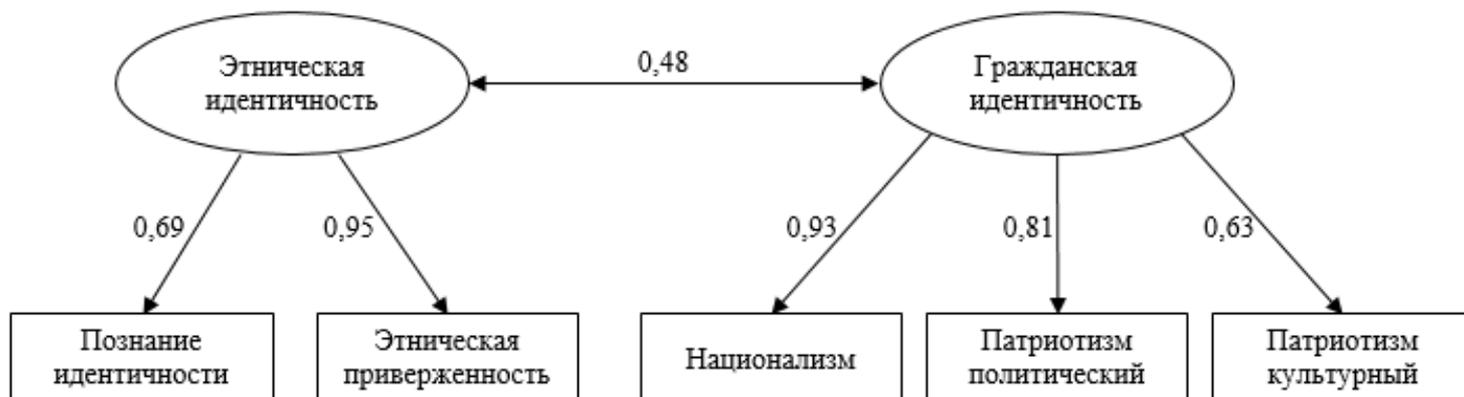

Рис. 1. Общая модель взаимосвязи гражданской и этнической идентичности.

Примечания. Индексы модели: $\text{CMIN/DF} = 1,258$; $\text{CFI} = 0,996$; $\text{RMSEA} = 0,042$. Все регрессионные связи шкал идентичности с латентными конструктами значимы ($p \leq 0,001$). Также значима взаимосвязь между двумя видами идентичности ($p = 0,001$).

На следующем шаге мы разделили выборку на подгруппы отдельно для каждого из четырех факторов социокультурного контекста, причем шкалы, входящие в экономический, исторический и политический факторы, рассматривались как отдельные модераторы, поскольку не представляли собой единого фактора. Разбиение выборки на подгруппы происходило по медиане, так выделялась подгруппа «высокого» и «низкого» значения по каждому из факторов. После чего было проведено мультигрупповое моделирование структурными уравнениями (Multiple Group SEM) для определения, является ли каждый из выделенных факторов модератором взаимосвязи этнической и гражданской идентичности или нет. Полученные результаты приведены в табл. 1.

Для каждой из переменных, претендующих на роль фактора-модератора взаимосвязи этнической и гражданской идентичности, были рассчитаны 3 модели: модель при отсутствии модерации со стороны фактора (Unconstrained model), модель с уравненными регрессионными весами (Model 1) и модель с уравненными ковариациями между факторами (Model 2). Сопоставление трех моделей позволяет оценить, меняет ли значимо данный фактор взаимосвязь между этнической и гражданской идентичностью.

Таблица 1

Показатели моделей модерации взаимосвязи между гражданской и этнической идентичностью

Модератор	Название модели	CMIN	Df	P	CMIN/df	CFI	RMSEA	Correlations
	Общая модель	5,031	4	0,284	1,258	0,996	0,042	---
Экономический оптимизм (эк. фактор)	Unconstr.	9,701	8	0,287	1,213	0,993	0,039	0,356* (gr 1) 0,545** (gr 2)
	Model 1	10,578	10	0,391	1,058	0,998	0,020	
	Model 2	13,116	13	0,439	1,009	1,000	0,008	
Финансовая депривация (эк. фактор)	Unconstr.	16,171	8	0,040	2,021	0,970	0,085	---
	Model 1	22,352	10	0,013	2,235	0,954	0,093	
	Model 2	26,134	13	0,016	2,010	0,951	0,083	
Воспринимаемая этническая дискриминация (ист. фактор)	Unconstr.	8,508	8	0,385	1,063	0,998	0,021	0,533* (gr 1) 0,459** (gr 2)
	Model 1	9,317	10	0,502	0,932	1,000	0,000	
	Model 2	10,852	13	0,623	0,835	1,000	0,000	
Воспринимаемая гражданская дискриминация (ист. фактор)	Unconstr.	6,180	8	0,627	0,773	1,000	0,000	0,225 (gr 1) 0,513** (gr 2)
	Model 1	7,076	10	0,718	0,708	1,000	0,000	
	Model 2	11,777	13	0,546	0,906	1,000	0,000	
Влияние присоединения Крыма (полит. фактор)	Unconstr.	9,566	8	0,297	1,196	0,989	0,045	---
	Model 1	13,400	10	0,202	1,340	0,977	0,060	
	Model 2	14,813	13	0,319	1,139	0,988	0,038	
Влияние введения санкций (полит. фактор)	Unconstr.	13,874	8	0,085	1,734	0,972	0,000	---
	Model 1	20,708	10	0,023	2,071	0,949	0,000	
	Model 2	21,467	13	0,064	1,651	0,960	0,000	
Индивидуализм (культурный фактор)	Unconstr.	7,002	8	0,526	0,875	1,000	0,000	0,441* (gr 1) 0,506* (gr 2)
	Model 1	7,236	10	0,703	0,724	1,000	0,000	
	Model 2	8,926	13	0,778	0,687	1,000	0,000	

Примечания. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; Unconstr. – Unconstrained model – модель при отсутствии модерации со стороны фактора, Model 1 – модель с уравненными регрессионными весами; Model 2 –

модель с уравненными ковариациями между факторами. В последнем столбце первое значение коэффициента корреляции ($gr\ 1$) – для подгруппы с «низким» значением соответствующего фактора, а второе значение ($gr\ 2$) – для группы с «высоким» полюсом фактора.

Для первого из модераторов, экономического оптимизма, метрическая инвариантность была достигнута (так как разница критерия CFI между базовой моделью и моделью с уравненными регрессионными весами меньше или равна 0,005), таким образом, мы можем сопоставлять модели. Далее, так как по критерию CFI разница между моделью с уравненными регрессионными весами и моделью с уравненными ковариациями между факторами меньше 0,005 (а должна быть больше, для принятия гипотезы о наличии модерации), мы не можем утверждать, что различия во взаимосвязи двух видов идентичности значимые. Однако, поскольку исследователи указывают, что этот критерий (CFI) не всегда чувствителен к проверке гипотез о модерации [Arbuckle, 2010], то мы обратились к собственным значениям корреляций. Как видно из табл. 1, разница есть, она достаточно существенна: $r = 0,356$ у первой группы (люди, у которых низкий уровень экономического оптимизма) и $0,545$ у второй группы (люди, у которых высокий уровень экономического оптимизма). Таким образом, у людей с высоким уровнем экономического оптимизма значимо сильнее взаимосвязаны этническая и гражданская идентичность, чем у людей с низким уровнем экономического оптимизма.

В случае с финансовой депривацией не получилось уравнивать веса и построить модель с уравненными регрессионными весами: разница в показателях критерия CFI между базовой моделью и первой моделью больше, чем 0,005. При этом в таблице представлены показатели уже улучшенной модели, где был убран один из факторов национализма (культурный) как возможный «нарушитель» качества модели, дальнейшее изменение модели было неприемлемо. Соответственно, на имеющихся данных мы не можем подтвердить или опровергнуть модерацию этим фактором взаимосвязи идентичностей. Поэтому в отношении гипотезы об экономическом факторе-модераторе (H4) мы приходим к выводу, что критичен вид экономического отношения и в качестве фактора выступает только экономический оптимизм.

Для следующего фактора – воспринимаемой этнической дискриминации – у нас получилось построить модель с уравненными регрессионными весами, но разница с моделью с уравненными ковариациями оказалась незначимой. Как и в случае с экономическим оптимизмом, это можно было объяснить методологической проблемой, и мы обратились к показателям корреляций, чтобы подтвердить или опровергнуть получившиеся данные. Как видно из табл. 1, разница между корреляциями невелика (меньше 0,100), соответственно, воспринимаемая этническая дискриминация не является в данном случае фактором-модератором. Воспринимаемая гражданская дискриминация как модератор показывает схожие тенденции с воспринимаемой этнической дискриминацией с точки зрения моделирования. Однако важно отметить, что корреляция в подгруппе выборки с «низким» значением фактора незначима, тогда как во второй подгруппе – значима и на 0,3 пункта выше. Таким образом, при низком значении воспринимаемой гражданской дискриминации этническая и гражданская идентичность не связаны значимо, тогда как при высоком значении появляется достаточно выраженная связь. Соответственно, в отношении нашей гипотезы о роли исторического фактора (H2) вывод схож с предыдущим, значение имеет только одна из переменных – воспринимаемая гражданская дискриминация.

Индивидуализм как модератор позволяет построить модель с уравненными регрессионными весами, но разница с моделью с уравненными ковариациями между факторами оказалась незначимой. Сравнение значений корреляций также показывает, что разницы практически нет. Соответственно, можно утверждать, что выраженность индивидуализма не является фактором, определяющим характер взаимосвязи этнической и гражданской идентичности, что отвергает нашу первую гипотезу (H1). И последняя группа факторов – мнение о том, как политические события повлияли на страну (а именно, санкции и присоединение Крыма) – не позволила построить модели с уравненными регрессионными весами. Таким образом, на имеющихся данных мы не можем утверждать, является ли этот фактор модератором взаимосвязи гражданской и этнической идентичности, и, соответственно, не можем сделать однозначного вывода по нашей гипотезе о роли политического фактора (H3).

Обсуждение результатов

Обобщая полученные результаты, можно говорить о том, что частично подтверждаются две из наших гипотез (о роли экономического и исторического фактора), одну гипотезу следует отвергнуть (о роли культурного фактора) и относительно еще одной гипотезы (о роли политического фактора) мы не

можем сделать однозначного вывода на основании имеющихся данных. Обсудим каждый из этих фактов последовательно.

Экономический оптимизм и экономическая депривация различным образом сказались на взаимосвязи гражданской и этнической идентичности: первый показатель является модератором взаимосвязи, тогда как второй – нет. Различия могут быть связаны с содержанием каждого из показателей. Экономический оптимизм включает как суждения об уверенности респондента в своем финансовом положении и его улучшении в будущем, так и веру в улучшение экономической обстановки в стране. Суммарно можно рассматривать этот показатель как отражение ощущения человеком надежности и защищенности. Мы получили, что стремление этого ощущения к позитивному полюсу ведет к усилению взаимосвязи между гражданской и этнической идентичностью. Отчасти можно провести параллель с гипотезой мультикультурализма Дж.Берри о том, что безопасность идентичности ведет к более гармоничным межгрупповым отношениям [Berry, 2013], или усилению взаимосвязи между гражданской и этнической идентичности в нашем случае. Показатель экономической депривации включал измерение чувств безысходности и апатии при финансовых трудностях, и, вероятно, он отражает индивидуальные особенности копинг-стратегий, не связанные напрямую с идентичностью, что не позволило сделать вывод о модерации.

Исторический фактор похож по тенденциям модерации на экономический: воспринимаемая гражданская дискриминация является модератором взаимосвязи этнической и гражданской идентичности, а воспринимаемая этническая дискриминация – нет. Отчасти влияние воспринимаемой гражданской дискриминации схоже с упоминавшейся выше гипотезой мультикультурализма: усиление воспринимаемой дискриминации, вероятно, способствует усилению воспринимаемой угрозы и, как следствие, способствует усилению взаимосвязи между гражданской и этнической идентичностью. Две большие группы (этническая и страна), объединенные воедино, «кажутся» более надежными и безопасными. Однако остается вопрос, почему же в таком случае воспринимаемая этническая дискриминация не становится фактором-модератором. Наиболее логичным нам представляется объяснение, связанное с тем, что в нашем исследовании принимала участие группа большинства, для которой группой принадлежности в первую очередь является страна в целом и именно образ страны сказывается на самооощении представителей группы большинства. Возможно, происходит также неявная подмена понятий «этнос» – «страна». Например, при заполнении графической методики, где необходимо было определить меру близости двух групп (этнической и гражданской, т.е. страны) по ощущениям респондента, среднее значение было около 5 баллов при максимальном – 7 баллов.

Примечателен тот факт, что в принципе не получилось построить модель с уравненными регрессионными весами для вопросов о последствиях присоединения Крыма и введения санкций, то есть показателями политического фактора. С одной стороны, это может быть связано с неравным размером подгрупп выборки: большая часть респондентов оценили вхождение Крыма как негативный момент, равно как и санкции. Однако это лишь частичное объяснение, поскольку в большей или меньшей степени подгруппы неравны для всех факторов. Более содержательное объяснение может быть связано с существованием очень выраженной корреляции между этими показателями и шкалами гражданской идентичности ($r = 0,656$ и $0,608$ для шкал национализма и политического патриотизма). В таком случае, вероятно, мнение о присоединении Крыма и отношение к санкциям вместе с гражданской идентичностью представляет более общий конструкт, а не является модератором взаимосвязи между видами идентичности.

В отношении индивидуализма стоит, пожалуй, признать, что он является неудачным выбором в качестве показателя культурного фактора в данном случае. Исходя из имеющихся данных, сложно точно утверждать, основана ли нечувствительность измерения на выбранной методике (Г.Хофстеда) или на нечувствительности индивидуализма как такового. Но в пользу первого из сомнений (методики) говорит тот факт, что эта шкала не показала значимых связей ни с одной из шкал идентичности, что удивительно для этого культурного измерения.

Заключение

В данной работе мы ставили своей целью выделить и эмпирически протестировать действие социокультурных факторов-модераторов взаимосвязи этнической и гражданской идентичности. В качестве таковых опорой на идеи Дж.Берри [Berry, 2005] были выделены культурный, исторический, политический и экономический факторы. В результате эмпирического исследования было получено, что воспринимаемая гражданская дискриминация (составляющая исторического фактора) и экономический оптимизм усиливают взаимосвязь между гражданской и этнической идентичностью. Культурный фактор (уровень индивидуализма) не является модератором взаимосвязи, исходя из полученных данных. Для политического фактора (мнение респондентов о присоединении Крыма и введенных санкциях) и отдельных составляющих исторического и экономического факторов нет возможности сделать определенный вывод о модерации. Обсуждение полученных результатов приведено выше, здесь же, в заключении, остановимся на основных ограничениях проведенного исследования и перспективах для дальнейшего изучения.

Первое из ограничений, которое нуждается в дальнейшей коррекции, связано с характеристиками выборки. Полученные данные указывают на «группировку» ответов респондентов около одного из полюсов факторов-модераторов, а также на изначально выраженную взаимосвязь между гражданской и этнической идентичностью ($r = 0,48$) и выраженную воспринимаемую близость двух групп по графической методике (в среднем 5 баллов из 7). При более разнообразной выборке (например, сбалансированной по статусу и возрасту), вероятно, эффекты модерации проявились бы точнее, или, по крайней мере, удалось бы построить модель с уравненными регрессионными весами для однозначного вывода о наличии или отсутствии модерации.

Второе из ограничений касается точности выделенных социокультурных факторов, точнее их индикаторов. Достаточно удивительным результатом стало отсутствие модерации со стороны культурного фактора, операционализированного как выраженность индивидуализма. С одной стороны, можно говорить о нечувствительной методике, но с другой стороны – измерение других параметров культуры также важно учитывать. Возможно, имеет смысл рассматривать в качестве факторов индивидуальные ценности в рамках теории Шалом Шварца [Schwartz, 1992], и они будут более релевантны для изучаемой взаимосвязи. К этому же ограничению относится операционализация политического фактора, которая нуждается в дальнейшем осмыслении и, возможно, предварительном тестировании.

Существенным развитием проведенного исследования, с нашей точки зрения, должен стать учет изменения идентичности во времени. Известно, что гражданская и этническая идентичность формируются с разной «скоростью» у разных групп, например, гражданская быстрее у большинства, а этническая – у меньшинства [Стефаненко, 2014], что с необходимостью должно отразиться на особенностях их взаимосвязи и межгрупповых отношениях. Соответственно, важны сравнительные исследования различных поколений или лонгитюдные исследования. Другой возможный фокус будущих исследований касается одновременной оценки как действия факторов-модераторов взаимосвязи гражданской и этнической идентичности, так и «последствий» этой взаимосвязи, то есть гармоничности межгрупповых отношений, например, толерантности установок по отношению к аут-группам, меры принятия политики мультикультурности группой большинства и других.

Выражение признательности

Авторы статьи благодарят Л.К.Григорян за бесценную помощь в освоении технологии моделирования структурными уравнениями и консультирование по мере обработки данных.

Финансирование

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих

Литература

Григорян Л.К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность. Культурно-историческая психология, 2013, No. 3, 22–31.

Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В кн.: М.К. Горшков (Ред.), Россия реформирующаяся. Ежегодник. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое участие и особенности развития политической активности в современной России. Социологическая наука и социальная практика, 2013, No. 3, 53–77.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, 1997.

Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011.

Соблиров Х.Х. Исторический дискурс о России: «Многонациональная империя» или национальное государство. Научные проблемы гуманитарных исследований, 2009, No. 10–2, 100–104.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2014.

Хашченко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация. Экспериментальная психология, 2011, 4(1), 106–127.

Arbuckle J.L. IBM SPSS Amos 19 User's Guide. Crawfordville: Amos Development Corporation, 2010.

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 2006, 55(3), 303–332. doi:10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x

Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation. Applied Psychology, 1997, 46(1), 5–68.

Berry J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures. International Journal of Intercultural Relations, 2005, 29, 697–712. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.07.013

Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada. International Journal of Intercultural Relations, 2013, 37(6), 663–675. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.005

Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V.Y. What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection. Personality and Social Psychology Bulletin, 2010, 36(7), 960–974. doi:10.1177/0146167210367488

Cole E.R., Stewart A.J. Meanings of political participation among Black and White women: Political identity and social responsibility. Journal of Personality and Social Psychology, 1996, 71(1), 130–140.

Davis T.C. Revisiting group attachment: Ethnic and national identity. Political Psychology, 1999, 20(1), 25–47.

Fuller-Rowell T.E., Ong A.D., Phinney J.S. National identity and perceived discrimination predict changes in ethnic identity commitment: Evidence from a longitudinal study of Latino college students. Applied Psychology: An International Review, 2013, 62(3), 406–426. doi:10.1111/j.1464-0597.2012.00486.x

- Gerdtham U.-G., Johannesson M. The relationship between happiness, health, and socio-economic factors: Results based on Swedish microdata. *Journal of Socio-Economics*, 2001, 30(6), 553–557. doi:10.1016/S1053-5357(01)00118-4
- Gong L. Ethnic identity and identification with the majority group: Relations with national identity and self-esteem. *International Journal of Intercultural Relations*, 2007, 31(4), 503–523. doi:10.1016/j.ijintrel.2007.03.002
- Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. *Administrative Science Quarterly*, 1983, 28(4), 625–629.
- Lee R.M., Noh C.Y., Yoo H.C., Doh H.S. The Psychology of diaspora experiences: Intergroup contact, perceived discrimination, and the ethnic identity of Koreans in China. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2007, 13(2), 115–124. doi:10.1037/1099-9809.13.2.115
- Martinovic B., Verkuyten M. The political downside of dual identity: Group identifications and religious political mobilization of Muslim minorities. *British Journal of Social Psychology*, 2014, 53(4), 711–730. doi:10.1111/bjso.12065
- Masella P. Nation identity and ethnic diversity. *Journal of Population Economics*, 2013, 26(2), 437–454. doi:10.1007/s00148-011-0398-0
- Peiró A. Happiness, satisfaction and socio-economic conditions: Some international evidence. *Journal of Socio-Economics*, 2006, 35(2), 348–365. doi:10.1016/j.socec.2005.11.042
- Phinney J.S., Ong A.D. Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, 2007, 54(3), 271–281. doi:10.1037/0022-0167.54.3.271
- Phinney J.S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research. *Psychological Bulletin*, 1990, 108(3), 499–514.
- Phinney J.S., Baldelomar O.A. Identity development in multiple cultural contexts. In: L.A. Jensen (Ed.), *Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2011. pp. 161–185. doi:10.1093/acprof:oso/9780195383430.003.0008
- Sam D.L., Berry J.W. Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet. *Perspectives on Psychological Science*, 2010, 5(4), 472–481. doi:10.1177/1745691610373075
- Segrin E. Communication and the study of personal well-being. *Gazette: the International Journal for Communication Studies*, 2005, 67(6), 547–549. doi:10.1177/0016549205057549
- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992, 25(C), 1–65. doi:10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Skrobanek J. Perceived discrimination, ethnic identity and the (Re-)ethnicisation of youth with a Turkish ethnic background in Germany. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2009, 35(4), 535–554. doi:10.1080/13691830902765020
- Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982, No. 33, 1–39.
- Umaña-Taylor A.J., Guimond A.B. A longitudinal examination of parenting behaviors and perceived discrimination predicting Latino Adolescents' ethnic identity. *Developmental Psychology*, 2010, 46(3), 636–

Примечания

[1] В данной работе термин «гражданская идентичность» означает идентификацию человека с государством проживания. В зарубежной литературе используется термин “national identity”, который иногда переводится как «национальная идентичность», но в связи с многозначным употреблением терминов «нация» и «национальный» в отечественных исследованиях был избран именно термин «гражданская идентичность».

Поступила в редакцию 14 января 2016 г. Дата публикации: 28 июня 2016 г.

Сведения об авторах

Дробовцева Мария Владимировна. Стажер-исследователь, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), Волгоградский проспект, д. 46-Б, 109316 Москва, Россия.

E-mail: veresk.tyan@yandex.ru

Котова Марина Викторовна. Кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра организационной психологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), Волгоградский проспект, д. 46-Б, 109316 Москва, Россия.

E-mail: mkotova@hse.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Дробовцева М.В., Котова М.В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста. Психологические исследования, 2016, 9(47), 1.

<http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Дробовцева М.В., Котова М.В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n47/1283-drobovtseva47.html>

[К началу страницы >>](#)